

В подтяжках.

ОБЩИЙ ПЛАН. СТИЛИСТИЧЕСКИ ВЫДЕРЖАННЫЙ

Из всей респектабельной атрибутики верниковским был только щелчок. Хотя и шелковый галстук был ему определенно к лицу. Получался идеальный вариант: отмытый, побритый и одним щелчком (тем самым) делающий деньги отечественный яппи.

— Западный стиль — понятие примитивное, пластилиновое, и я его никогда в себе не культивировал. Это просто иное распределение себя в пространстве, иной тип отношений друг с другом. Хотя это совсем не означает отсутствие комплексов. Но если вы сейчас меня о них спросите, то я не сразу найду, что ответить.

— Съемки в рекламе требуют напряжения?

— Речь, естественно, шла о том, что я должен воплощать собой некий новый класс. Но в принципе, мне ничего не пришлось изображать. Никаких усилий — стричься или специально жестиковать. Хотя некоторые вещи я придумал специально — подтяжки, например, которые в жизни никогда не носил. Но этого, как мне казалось, требовал стиль.

— Реклама приносила тогда хорошие деньги?

— За первую свою рекламу «Коммерсанта» я получил, помнится, рублей двести. Это, конечно, нельзя было назвать заработком. «Коммерсант» потом долго предлагал мне стать его лицом. И я спросил: «Сколько это будет стоить? Сто тысяч долларов, пятьдесят?». Просто было любопытно. Там сделали изумленные глаза и сказали: «Мы, наверное, не готовы

сейчас к такому разговору». Я, конечно, тоже был не готов и, кстати, год после этого нигде не снимался. Решил дать отдохнуть от себя и себе, и другим.

Да, сейчас занятие рекламой приносит хорошие деньги. Но мои финансы далеко не в той стадии, когда можно позволить себе все.

**КРУПНЫЙ ПЛАН.
ЗАВИСИМЫЙ И ЗАВИСТАЛИВЫЙ**
Театральная, самая глубокомысленная и неизвестная жизнь Верника началась в 80-м году, когда мальчик выразил желание стать артистом, а папа (главный режиссер литдрамвещания на радио) сказал:

МУЖЧИНА В ПОДТЯЖКАХ

ИГОРЬ ВЕРНИК, или ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Два года назад этот «новый русский», которого нам показали по ТВ, состоял из короткой стрижки, хороших зубов и пижонских подтяжек. Обыватель облизнулся и навсегда запомнил Игоря Верника.

Впоследствии он дорос до двубортного пиджака, качественного зонтика и щелчка тремя пальцами. А там и до «Ситроена» было недалеко...

«Благословляю». В 84-м школа-студия МХАТ была закончена. С отличием. Так что сын по поводу «блатной» сущности не комплексует.

— Как это получилось, сам не понимаю. На лекциях я сочинял стихи, прогуливал, а потом получал пятерки.

— Прямо вундеркинд.

— Конечно. В 86-м после армии Олег Николаевич Ефремов принял меня во МХАТ, Единственного с курса.

Сначала я играл в массовках. Потом в эпизодах. Потом получил первую большую роль. Тем не менее к тридцати годам я больше не сыграл, чем сыграл.

И все равно театр — это радость ни с чем не сравнимая. Это другая реальность. С утра я могу сниматься и быть героем, мужчиной комифо, а вечером играть в театре, в «Татуированной розе» девственника: дрожащего, заикающегося, не знающего, как подойти к женщине. И между ними есть я. Третий.

— Не было ли сомнения, что из актера, да еще МХАТовского ты превратился в рекламную модель?

— Я ни в коем случае не модель. В первом рекламном ролике я вообще согласился сниматься с условием не показывать мою физиономию в кадре. Хлебородов сказал: «Да, да, конечно», — ну и, разумеется, показал. Были среди коллег те,

кто посчитал это недостойным. Я считал: важно, как это было сделано. А сделано это было профессионально.

Вообще актер — страшно мучительная профессия. А главное — зависимая. Можно всю жизнь прождать Гамлета, ничего не дожидаться и оправдывать собственную пассивность великой мечтой. Я не хотел, чтобы со мной такое случилось. Я пытался сам формировать обстоятельства.

**СРЕДНИЙ ПЛАН.
ТУСОВОЧНЫЙ**
Богемная, самая заманчивая история Игоря Верника, нормального советского гражданина, всю жизнь тыкающегося в

чук, Михалков, Евстигнеев, Прыгунов, Янковский — все младшие. Хотя сейчас нас уже не воспринимают как «сыновей своих отцов». У всех нас есть собственное дело, которое мы построили. И о котором наши отцы даже понятия не имели.

В образе.

— Как ты относишься к своему гардеробу — с трепетом или безразлично?

— Не могу сказать, что засыпаю и просыпаюсь, с ужасом думая о том, что мне сегодня надеть, но отношусь к этому достаточно серьезно. В принципе одеваюсь просто — джинсы, сорочка, пиджак. Думаю, что самая замечательная идея гардероба — много одинаковых вещей. Чтобы каждый день надевать одно и то же, но свежее.

— Какие вредные привычки позволяет себе представитель нью рашн?

— Я не курю и никогда не курил. Мало пью, хотя недавно у меня было 30-летие, и я не помню, чем оно закончилось...

По воскресеньям мы ходим с друзьями в сауну, играем в футбол. Но когда я захожу на пляж, никто не ахает от восторга, как при виде качка в узких плавках.

Кроме всего прочего, у меня есть еще одна вредная привычка — улыбаться. Знаете, у Аксенова есть роман «Скажи изюм». В том смысле, что изюм — это гримаса неудачника. Я не люблю изюм. Я люблю сыр. Но присутствие рядом человека, который хотя бы внешне в порядке, многих раздражает.

Ольга ВОЛКОВА.

В жизни.